
Это не старость, просто – желтеют листья,
Ветер ломает ветки, звенит стекло.
Время варить варенье, читать молитву,
И понимать друг друга без лишних слов.
Возраст. Сезон. Холодное время года.
Хлопают двери, чайник уже поет.
Время не откликаться на каждый голос
И на чужое имя, забыв свое.
А за окном менялись дома и страны,
Плакал орган, вздыхали колокола.
Поздно ли, рано – дорога выводит к храму,
Вот и тебя, наверное, привела.
В церкви тепло. Выходят певцы на клирос.
Ангельский хор! И, крестик зажав в горсти,
Думаешь – вот она, вера. Всегда на вырост,
Может быть
И получится
Дорости.

Дождь

И накрыла вода дороги к исходу дня,
Города скользили и падали на причал,
Старый жрец вопил, что Боги – они хранят,
Захлебнулся на верхней ноте и замолчал.
А вода поднималась, пела... Зачем? Кому?
Пекарь слышал молитву, пахарь – как дышит хлеб.
Развлекался ветер, играя стеклом фрамуг,
Становилось небо всё ближе и тяжелей.

Повторяешь «амен». Медленно тает воск.
Расплывается карта мира. Закрой глаза.
А вода всё выше. Промокла земля насквозь,
И летит корабль.
И не будет пути назад.

Облака

Откликнуться и снова замолчать,
Смотреть, как расцветает алыча,
Трепещут на ветру белье и листья.
А в горле – комом всех твоих обид –
Слова. Произнести или забыть?
Не помогли ни прозак, ни молитва.
Куда ни повернешься – всюду ты,
Рецептов пожелтевшая латынь,
Цветы (герань?), не крашен подоконник.
Помоешь пол, посуду, вытрешь пыль,
Родиться бы глухим или слепым,
И чтобы ощущения – незнакомы...
Что остается? Плакать до утра,
Потом смотреть в окно, перебирать
Конверты с пожелтевшими листьями,
И забывать привычные слова.
А в небесах – прозрачный караван
Весенних облаков... и тает. Тает.